

DK
43
K87

8.40

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНИИ
ПОСТУПАТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЕЛИКОРУССКАГО ПЛЕМЕНИ

НА ВОСТОКЪ.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго
Казанскаго Университета, 5 ноября 1889 года, ординарнымъ профес-
соромъ русской исторіи

Д. А. КОРСАКОВЫМЪ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета

1889.

Корсаков, Дмитрій Александрович

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНИИ
ПОСТУПАТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ
ВЕЛИКОРУССКАГО ПЛЕМЕНИ

НА ВОСТОКЪ.

РѢЧЬ,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго
Казанскаго Университета, 5 ноября 1889 года, ординарнымъ профес-
соромъ русской исторіи

Д. А. КОРСАКОВЫМЪ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1889.

DK
43
. K84

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго
университета, 28 октября 1889 г.

Ректоръ *Н. Кремлевъ.*

Lib. Com.
French Lib. Printing
31384
11-19-1935

Мм. Гг.

Въ сегодняшній знаменательный для Казанскаго Университета день выпала на мою долю высокая честь представить вашему вниманію автовую рѣчь по одному изъ вопросовъ русской исторической науки.

Отечественная исторія, по своему важному политическому и общеобразовательному значенію, столь близка каждому образованному русскому человѣку; вопросы, которые ставятъ современность исторической наукѣ, столь многосложны, — что я долго находилъ въ большомъ затрудненіи при выборѣ темы для академической бесѣды съ вами. Переживаемая нами современность есть результатъ продолжительной и многообразной исторической жизни русскаго народа, и всѣ явленія *сегодняшняго дня* политической, общественной, религіозной и культурной жизни Россіи коренятся въ ея прошломъ, въ ея исторіи. Среди такихъ явленій, имѣющихъ въ высшей степени важное современное политическое значеніе, занимаетъ бесспорно одно изъ первенствующихъ мѣстъ наше поступательное движеніе на Востокъ. Мы, казанцы, стоимъ на перепутьи этого историческаго движенія, такъ какъ нашъ городъ составляетъ одну изъ историческихъ станцій, на которой остановились наши предки, какъ бы для отдыха послѣ долгаго пути, и затѣмъ пошли дальше. А потому

смѣю думать, что для казанскаго общества будетъ далеко не безынтересно, при моей посильной помощи, припомнить главнѣйшіе моменты историческаго движенія русскихъ людей по тому длинному пути, по которому они прошли въ теченіи десяти столѣтій отъ Бѣлоозера до Тихаго океана и отроговъ Гималая, являясь послѣднимъ историческимъ представителемъ побѣды индо-европейскаго племени надъ племенами азіатскими.

Это поступательное движеніе на востокъ принадлежитъ преимущественно, почти даже исключительно, господствующей въ настоящее время отрасли русскаго народа — племени Великорусскому, представляя собою одинъ изъ моментовъ многовѣковой борьбы Европы съ Азіей, а эта борьба составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій всемірной исторіи во всѣхъ фазисахъ ея развитія: въ мірѣ древнемъ, средневѣковомъ и новомъ. Не будучи въ состояніи предложить вамъ, мм. гг. чего-либо цѣльнаго и законченнаго въ научномъ отношеніи по избранному мною вопросу, потому что такая задача, по своей громадности, не можетъ быть выполнена въ столь короткое время, какое предназначается для университетской актовой рѣчи, я позволю себѣ ограничиться лишь самыми общими контурами важнѣйшихъ фактовъ, относящихся къ этому вопросу.

Вопросъ о колонизаціонномъ значеніи Великорусскаго племени и о его движеніи на Востокъ — вопросъ не новый въ наукѣ русской исторіи. Однимъ изъ первыхъ ученыхъ, поставившихъ этотъ вопросъ, былъ, къ сожалѣнію нынѣ почти совсѣмъ забытый, но весьма даровитый ученый и публицистъ, плодотворно потрудившійся на пользу русской исторіи и этнографіи. Я разумѣю издателя „Телескопа“ и предшественника Бѣлинскаго на поприщѣ

критики— Н. И. Надеждина. Болѣе полустолѣтія тому назадъ, въ 1837 году, онъ помѣстилъ небольшую монографію въ очень распространенномъ въ то время журналѣ Сенковскаго— „Библіотекѣ для чтенія“: „Опытъ исторической географіи русскаго міра“. Монографія Надеждина, блестящая синтетическимъ мышленіемъ ея автора и точностью и ясностью изложенія, отличается столь широкой эрудиціей, что читается теперь, какъ будто она написана вчера. Изъ ряда ученыхъ, слѣдовавшихъ за Надеждинымъ, всѣхъ болѣе обратилъ вниманіе на историческое значеніе колонизаціи Великоруссовъ проф. Соловьевъ, въ своей монументальной „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, слѣдя за метаморфозами этого явленія на всемъ протяженіи нашей исторіи. Этотъ ученый придавалъ такъ сказать научную устойчивость столь важному вопросу. За Соловьевымъ посвящали ему монографическіе труды профессора Казанскаго университета: Епиевскій, Шаповъ, Н. А. Фирсовъ и С. М. Шпилевскій, затѣмъ профессоръ Московскаго университета Бѣляевъ, Артемьевъ, Кавелинъ, Бестужевъ-Рюминъ, профессоръ Новороссійскаго университета Перетятковичъ и др.

Въ настоящее время, когда вопросы географическіе и этнографическіе получаютъ въ исторической наукѣ все болѣе и болѣе права гражданства и когда наши успѣхи послѣднихъ лѣтъ въ Средней Азіи обращаютъ на себя общее вниманіе,—историческое изученіе колонизаціи Великорусскаго племени пріобрѣтаетъ бѣльшій интересъ и является комментариемъ современнаго намъ поступательнаго движенія Русскихъ на Востокъ.

Какъ извѣстно, всѣ народы, населявшіе значительнѣйшую часть Европейскаго материка въ древнія времена и населяющіе его теперь, происходятъ отъ Арійцевъ, жившихъ въ незапамятныя, до-историческія времена въ югозападномъ плоскогоріи Азіи, Иранѣ. Постепенное выселеніе ихъ оттуда на Европейскій материкъ черезъ Малую Азію, началось въ ту отдаленную пору древности, куда не достигають лучъ исторіи, и которая явилась достояніемъ науки лишь въ очень недавнее время, благодаря могущественнымъ даннымъ, добытымъ сравнительнымъ языкознаніемъ, посредствомъ анализа и сравнительнаго изученія языковъ этихъ народностей. Въ числѣ ихъ были Славяне, отъ которыхъ произошелъ народъ Русскій. Европа, особенно сѣверо-восточная ея часть, теперешняя Россія, была въ то время заселена другими выходцами изъ Азіи, пришедшими туда инымъ путемъ черезъ такъ называемыя Великія Каспійскія ворота (между Каспійскимъ моремъ и Уральскими горами)—племенами тюркофинскими. Европейская исторія начинается съ момента возникновенія колонизаціи аріискихъ племенъ по Европейскому материкову, которая приводитъ прежде всего къ образованію общественныхъ союзовъ Арійцевъ въ Европѣ, а затѣмъ къ обратному движенію Европейцевъ на Востокъ, вслѣдствіе чего является неизбежное столкновеніе между Европой и Азіей. Это движеніе выразилось еще въ героическій періодъ исторіи Эллиновъ, во первыхъ—основаніемъ ими на берегахъ Малой Азіи цѣлаго ряда колоній, во вторыхъ въ знаменитой войнѣ съ Троянцами прославленной бессмертной эпопеей Гомера, и въ третьихъ,—въ походѣ Аргонавтовъ въ Колхиду; а первое исторически-извѣстное столкновеніе происходитъ между старѣйшими европейскими Арійцами—

Греками и Аріядцами, оставшимися въ Азіи—Персами, столкновеніе, извѣстное въ исторіи подъ именемъ Персидскихъ войнъ. Съ этого времени Греція, а за нею Римъ, побѣдоносно подчиняють Азію европейской культурѣ; и въ завоеваніяхъ послѣдняго героя Греціи Александра Македонскаго, и въ побѣдахъ римскихъ легионовъ въ Малой Азіи и въ Сиріи нельзя не видѣть, вмѣстѣ съ однимъ изъ крупнѣйшихъ представителей русской исторической науки нашего времени, С. М. Соловьевымъ, побѣды „европейскаго качества надъ азіатскимъ количествомъ“ и „торжества нравственныхъ силъ Запада надъ матеріальными силами Востока“.

Въ то время какъ происходили эти столкновенія съ Востокомъ греко-италійскихъ племенъ, занесенныя греческими и римскими бытописателями на страницы исторіи, на сѣверо-востокъ Европы шла глухая, никому невѣдомая, до-историческая борьба другой отрасли европейскихъ Аріядцевъ съ первоначальными насельниками этихъ странъ—племенами тюркофинскими, постоянно проникавшими туда въ Великія Каспійскія ворота. Сѣверо-востокъ Европы, теперешняя Россія, извѣстенъ былъ Грекамъ и Римлянамъ подъ неопредѣленными названіями Скиѳи и Сарматіи; наука до сихъ поръ не разъяснила съ точностью изъ кого состояли эти историческіе *иксы* и *иреки*—Свиѳы и Сарматы, но нельзя не предполагать, по извѣстнымъ даже въ настоящее время научнымъ даннымъ, что среди нихъ находилось то племя, которое позднѣе является на исторической аренѣ подъ именемъ Славянъ.

Сѣверо-востокъ Европы выступаетъ нѣсколько изъ до-историческаго мрака лишь въ IV в. христіанской эры. Вслѣдствіе движенія германскихъ племенъ на Востокъ образовалось въ IV в. обширное государство Готовъ отъ Балтійскаго побережья

и верховьевъ Дона до сѣверныхъ береговъ Чернаго моря и Дуная. Это государство разрушается наплывомъ новыхъ тюрко-финскихъ и монгольскихъ племенъ изъ Азіи, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ Гунновъ, вторгнувшихъ черезъ Великія Каспійскія ворота и произведшихъ на Европейскомъ материкѣ совершенную этнографическую революцію, такъ называемое великое переселеніе народовъ, которые своимъ натискомъ на Западную Римскую имперію сокрушили ее и на ея развалинахъ образовали новыя народности, романскія и положили основаніе теперешнимъ западно-европейскимъ государствамъ. Гунны, такъ сказать, растаяли среди этихъ народностей, и европейскіе Аріицы и на этотъ разъ явились культурными побѣдителями азіатскаго востока. Еще большая побѣда европейскихъ Аріицевъ надъ востокомъ имѣла мѣсто въ теченіи четырехъ столѣтій, съ VIII по XII по Р. Хр., когда на европейской почвѣ Пиринейскаго полуострова широко расцвѣла мавританская цивилизація.

Съ исхода XI в. начинается обратное движеніе, хотя и не сплошное цѣлыхъ народовъ Европы, но нѣкоторыхъ ихъ класовъ, въ Азію—движеніе возбужденное христіанскимъ религіознымъ энтузіазмомъ и извѣстное въ исторіи подъ именемъ Крестовыхъ походовъ. Это новое столкновеніе Европы съ Азіей, длившееся до исхода XIII в., знаменуется важными послѣдствіями для европейской культуры, но не восточные элементы были внесены Крестовыми походами въ жизнь европейцевъ, а ожививъ ихъ духъ, походы эти способствовали возникновенію новыхъ элементовъ въ общественной жизни европейскихъ Аріицевъ. Востокъ не побѣдилъ Запада.

Въ то время какъ западная часть Европейскаго материка приняла къ себѣ новыхъ насельниковъ въ лицѣ Арабовъ,

а затѣмъ разныя общественныя группы изъ ея романо-германскихъ племенъ двинулись въ Азію—восточная часть Европейскаго материка стала все болѣе и болѣе выплывать изъ до-историческаго хаоса на арену исторіи. Славяне расселяются по этому матеріку съ юго-востока на западъ и востокъ; на западѣ сталкиваются они съ племенами германскими, а на востокѣ съ племенами: литовскимъ, финскимъ и тюркскимъ. Съ VIII в. германскія племена начинаютъ снова свое поступательное движеніе на востокъ, а черезъ Великія Каспійскія ворота, изъ глубины Азіи, продолжаютъ являться новыя тюркскія и монгольскія народности—Обры, Булгары, Хазары, Печенѣги, Торыи, Половцы и наводняютъ собою приволжскія и подонскія степи. Борьба съ германскими народностями выпадаетъ на долю западныхъ Славянъ, а съ тюрко-финскими и монгольскими на долю Славянъ восточныхъ, Славяно-Руссовъ, только что начинающихъ свое историческое поприще, и они стойко борются съ ними, до начала XIII в.: и здѣсь происходитъ борьба индо-европейцевъ, Славяно-Руссовъ, съ народностями азіатскими, и Славяно-Руссы стойко спасаютъ свою народность отъ чуждыхъ элементовъ, проникаая своими поселеніями вглубь финскихъ племенъ и ведя постоянную борьбу съ Булгарами, Хазарами, Печенѣгами и Половцами. Въ первой четверти XIII в. является новая монгольская орда изъ Азіи—Татары, и долгая борьба съ нею выпадаетъ на долю тѣхъ же Славяно-Руссовъ.

Наплывъ Татаръ въ западную Европу останавливаютъ Славяне—Чехи, какъ пять столѣтій передъ тѣмъ остановили Франки вторженіе Арабовъ въ среднюю Европу. Татарское иго тяготѣло надъ Русью почти два съ половиной вѣка, и этимъ была спасена, быть можетъ, отъ гибели цивилизація всей западной Европы.

Вторженіе азіатскихъ ордъ въ Европу въ лицѣ Татаръ не было послѣднимъ. Въ XIV в. явились въ Европу тѣмъ самымъ путемъ, какимъ проходили туда въ до-историческую пору Арійцы, новые выходцы изъ средней Азіи, но уже не арійскаго, а тюркскаго племени—Турки. Подъ ихъ натискомъ потеряли свою независимость Славяне Балканскаго полуострова, а въ половинѣ XV в. былъ ими разрушенъ и послѣдній остатокъ всесвѣтной Римской имперіи—Константинополь. Турки навели ужасъ на западную Европу, но она уже настолько окрѣпла, что паденіе восточной Римской имперіи не могло имѣть тѣхъ послѣдствій, какъ паденіе имперіи западной за десять столѣтій передъ тѣмъ. Турки локализовались на Балканскомъ полуостровѣ и основали свою монархію на развалинахъ Византійской имперіи и славянскихъ государствъ, которыя лишь въ наши дни начинаютъ воскресать къ самобытной жизни, а Греки, удалившіеся изъ Константинополя въ западную Европу — распространили по ней древне-классическую образованность, и умственное движеніе, возбужденное въ западной Европѣ этой образованностью, извѣстно подъ именемъ эпохи возрожденія, т. е. возрожденія цивилизаціи.

Вотъ, мм. гг., самые общіе штрихи изъ исторіи борьбы Европы съ Азіей, до начала новой европейской исторіи. Въ западной Европѣ въ этой борьбѣ побѣда вездѣ оставалась на ея сторонѣ, и западно-европейская цивилизація и въ древнемъ мірѣ, и въ средніе вѣка—вездѣ торжествовала надъ Востокомъ. Славянамъ вообще и Славяно-руссамъ въ частности выпала болѣе скромная, но болѣе трудная историческая задача.

Славяне западные должны были отстаивать свою народность въ борьбѣ съ племенемъ германскимъ,—и не устояли

въ этой борьбѣ. Славяне южные надолго подпали власти мусульманъ, а Славяне восточные, Славяно - Руссы, въ особенности Великоруссы, не только отстаивали свою народность, но распространяли и распространяютъ ее все далѣе на Востокъ, и путемъ долгой, вѣковой работы, создаютъ себѣ самобытную, національную культуру.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности особенностей этой культуры, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время она не выяснилась еще въ точности, но нельзя не сказать о ней нѣсколько словъ. Великоруссы, сложившись въ особую племенную вѣтвь на памяти исторіи, въ XII—XIII в. в., долго отличались самой примитивной культурой, которую они не только не могли себѣ расширить по милости тяготѣвшаго надъ ними столь долго владычества Татаръ, но даже восприняли многое изъ Орды; затѣмъ Византія, Южная Русь и Западная Европа—по очереди вносили къ Великоруссамъ свои цивилизующіе элементы, но они касались только верхнихъ слоевъ народа, не проникая въ глубь. Но Великоруссы создали обширнѣйшее въ мірѣ государство, славянскую державу, отстоявшую свою самобытность и основанную на принципѣ единодержавной власти государя и солидарности этой власти съ потребностями и чаяніями народной массы; они же проявили свою способность племеннаго торжества надъ инородцами, способность претворять ихъ въ русскую плоть и кровь. Великоруссы, съ того времени какъ православная христіанская религія стала распространяться и укореняться среди нихъ, отличались набожностью, и чувство православной религіозности постоянно выступало на первый планъ въ важнѣйшихъ моментахъ ихъ исторической жизни. Православіе было тѣмъ общимъ ихъ признакомъ и лозунгомъ, которые отличали ихъ не только

отъ инородцевъ, но и отъ однородцевъ Славянъ другаго христіанскаго исповѣданія. Поэтому православіе отождествлялось всегда Великоруссами съ Русскою народностью, и это - то отождествленіе и помогало всегда Великорусскому племени, въ его столетовеніяхъ съ чуждыми ему тюрко-финскими племенами, подчинять ихъ себѣ.

Въ XII в. расселеніе Славянъ по восточному Европейскому матеріку между литовскими и тюрко-финскими племенами на столько уже окрѣпло, что образовалось нѣсколько отдѣльныхъ земель съ преобладающимъ славянскимъ населеніемъ. Для насъ, при разсмотрѣніи вопроса о поступательномъ движеніи Великоруссовъ на Востокъ, представляютъ особый интересъ шесть изъ этихъ земель: 1) земля въ верховьяхъ Волги, Ростовско - Суздальская 2) земля по притоку волжскому Овѣ — Муромо - Рязанская и 3) — 6) четыре земли по Сѣверной Двинѣ и по поморью Сѣвернаго Ледовитаго океана до горъ Уральскихъ, или до „Камня“, какъ они называются у насъ въ старину, — земли Двинская, Печорская, Пермская и Вятская. Аборигенами всей этой мѣстности были финскія племена, среди которыхъ въ XII в., путемъ колонизаціи Славянъ изъ Новгорода, съ запада и съ юга, образовалось племя Великорусское. Центромъ, ядромъ этого племени была земля Ростовско-Суздальская, получившая свое названіе отъ старѣйшихъ славянскихъ поселеній въ ней—Ростова и Суздаля; въ этой землѣ созрѣло и окрѣпло Великорусское племя, которое развиваясь и распространяясь все болѣе и болѣе на Востокъ, вырастаетъ въ Московское государство. Расселеніемъ Славянъ съ юга въ верховья Оки и въ среднее ея теченіе — изъ земли Ростовско-

Суздальской—сложилось великорусское население Муромо-Рязанской земли. Изъ той же земли Ростовско-Суздальской шла колонизація на сѣверъ, гдѣ сталкиваясь съ Новгородской колонизаціей, образовала съ теченіемъ времени одноплеменное себѣ, великорусское населеніе. Этимъ, между прочимъ, можно объяснить, что названныя выше сѣверныя земли, завися въ политическомъ отношеніи отъ Новгорода, раньше его поддались Московскимъ великимъ князьямъ, чѣмъ много способствовали паденію его независимости.

Эта славянская колонизація, какъ и прежде, въ болѣе древнее время, шла главнымъ образомъ по рѣкамъ, самымъ удобнымъ въ то время путемъ сообщеній. Величайшая водная артерія восточной Европы—Волга, съ ея притоками, раньше намѣчала главнѣйшій путь и площадь великорусской колонизаціи. Народъ, по справедливому замѣчанію проф. Соловьева, утвердившійся въ верховьяхъ рѣки, естественно стремится къ ея устью. На Волгѣ лучше всего можно доказать безспорность историческихъ наблюденій С. М. Соловьева. Утвердившись въ VIII—IX в.в. на верховьяхъ этой „многоводной русской рѣки“ и одного изъ главнѣйшихъ ея притоковъ Оки,—славянскіе колонисты двигаются по теченію этихъ рѣкъ, врѣзываясь своими поселеніями въ мѣста занятія финскими и тюркскими народами, которые частію оттѣсняются ими дальше на сѣверовостокъ, частію сливаются съ ними. Рѣчнымъ бассейномъ Волги, ея теченьемъ, и теченьемъ всѣхъ ея притоковъ—опредѣляется площадь, занимаемая Великорусскимъ племенемъ и составляющая территорію Московскаго государства. Въ этомъ поступательномъ движеніи Великорускаго пле-

мени „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, мы можемъ различить нѣсколько т. сказ. колонизационныхъ ступеней ¹⁾).

Первая ступень, начинаясь возникновеніемъ Ростова и Суздаля, заканчивается построеніемъ Нижняго Новгорода при впаденіи Оки въ Волгу. Въ четырехста, по крайней мѣрѣ, лѣтъ, а можетъ быть и больше, совершенно исчезаетъ финскій народъ Мера, жившій въ предѣлахъ занятыхъ землей Ростовско-Суздальской, которая покрывается цѣлой сѣтью славянскихъ городовъ, и мѣсто Мери заступаетъ новое славянское племя Великорусское, которое сталкивается съ другимъ финскимъ народомъ—Мордвой.

Вторая ступень—періодъ монгольскаго завоеванія, который затрудняетъ поступательное движеніе Великоруссовъ на Востокъ, вслѣдствіе чего великорусская колонизація направляется на сѣверъ, въ земли Двинскую, Печорскую, Пермскую и Вятскую.

Третья ступень, начинаясь возникновеніемъ движенія по Волгѣ послѣ освобожденія Московскаго государства отъ татарскаго владычества, заключается взятіемъ въ 1552 г. Іоанномъ IV Казани, этого грознаго остатка Золотой орды, и вслѣдъ затѣмъ, въ 1554 г. завоеваніемъ Астрахани.

Четвертая ступень открывается первоначальнымъ завладѣніемъ Сибири въ 1581 г. и заканчивается присоединеніемъ Уссурийскаго края и Сахалина въ царствованіе императора Александра II.

Въ самомъ началѣ XVIII в. дѣлаются попытки проникнуть въ Среднюю Азію, и эти попытки, сперва не-

¹⁾ Мы вовсе не касаемся движенія собственно Новгородцевъ по Волгѣ и ея притокамъ, а потому и не упоминаемъ даже ни о походахъ Новгородскихъ ушкуйниковъ, ни о возникновеніи Хлынова.

удачныя, заканчиваются въ нынѣшнее царствованіе присоединеніемъ Мерва, подчиненіемъ русскому вліянію Бухарскаго ханства и проведеніемъ отъ Каспійскаго моря среднеазиатской желѣзной дороги. Это движеніе составляетъ самостоятельное проникновеніе Великоруссовъ въ Азію съ югозападной ея окраины, съ Каспійскаго моря и изъ Сибири.

Первичнымъ древнѣйшимъ видомъ славянской колонизаціи въ финскомъ сѣверо-востокѣ, была колонизація вольная, истекавшая изъ врожденной русскому человѣку склонности „брести розно“, „идти куда глаза глядятъ“. Географическія условія русской земли—обиліе пустыхъ пространствъ и недостатокъ среди нихъ человѣка, широкое раздолье безбрежной русской равнины, *поля и тѣса*,—воспитали въ немъ эту склонность, побуждая его легко мѣнять мѣста своей осѣдлости. „Рыба ищетъ—гдѣ глубже, человѣкъ гдѣ лучше“—въ этой пословицѣ отразился издавнѣйшій народный взглядъ на переселеніе. Прислушайтесь къ нашимъ сказкамъ. И въ нихъ запечатлѣно колонизаціонное стремленіе русскаго человѣка. Сказочный богатырь, увлекаясь какимъ нибудь подвигомъ, стремится въ невѣдомыя страны. Въ дѣсу ему чудятся разные страхи и во главѣ ихъ избушка на курьихъ ножкахъ, въ которой живетъ Баба-Яга; онъ останавливается на распутьи трехъ дорогъ, не зная куда направиться, потому что на каждой изъ нихъ ждетъ его какая нибудь невзгода: на одной изгнута и онъ, и его конь; на другой изгубитъ онъ, но конь останется цѣлъ; на третьей сохранится ѣздокъ, но пропадетъ конь. Конечно, богатырь выбираетъ послѣдній путь. „Охочіе люди“, „повольники“, „бродники“—эти прототипы жезднѣйшихъ казаковъ, недовольные своей жизнью дома, стремились и съ юга, и съ запада,—въ далекой финской сѣверо-вос-

товъ, который представлялся Славянину (въ особенности южному) странюю чудесь, за которой находился конецъ свѣта, *Луко-морье* (Лука моря = Бѣлое Море, Печорская губа). Оттуда прилеталъ Змѣй Горынычъ, тамъ обиталъ Тугаринъ Змѣевичъ, и богатыри спѣшать въ эти невѣдомыя страны, чтобы помѣряться силами съ чудищами. Такъ одинъ изъ героевъ русскихъ былинъ Алеша-Поповичъ побиваетъ Тугарина Змѣевича близъ Ростова, въ дикой странѣ Мери. Финскій сѣверъ былъ издавна покрытъ лѣсомъ. Первоначальный Славянинъ, колонизаторъ этой мѣстности, съ большимъ трудомъ проходилъ, *продирался* черезъ лѣсныя пространства, выбиралъ въ нихъ пригодныя для себя мѣста, *выжигалъ* ихъ, и на выжженныхъ выгорѣлыхъ мѣстахъ вспахивалъ новыя поды посѣвы и основывалъ свои поселенія: починки, села, *деревни* (поселенія изъ дерева); становилось тѣсно въ нихъ—часть населенія выдѣлялась изъ нихъ и шла дальше, выжигая въ лѣсу новыя пространства для поселенія и пашни—такъ возникали *выселки, поселки, новоселки*. Такой способъ заселенія земли Ростовско-Суздальской сохранился въ теперешнихъ русскихъ названіяхъ населенныхъ мѣстъ губерній центральной Россіи—Ярославской, Владимірской, Костромской. Кромѣ культуры земледѣльческой, въ лѣсныхъ мѣстностяхъ весьма естественно заводились промыслы, вытекающіе изъ лѣснаго хозяйства; населеніе охотилось за звѣрями, въ обилии водившимися въ лѣсахъ, и начало жечь уголь, гнать смолу и деготь. Аборигены страны, Меряне—не могли, разумѣется, сложа руки смотрѣть какъ внѣдрялись въ ихъ страну чужіе поселенцы—и вотъ славянское населеніе должно было защищаться отъ нихъ—*огораживало* свои селенія, свои *деревни* тыномъ и отбивалось за нимъ отъ нападеній: таеъ возникалъ *городъ*.

Изъ этой первоначальной вольной, земледѣльческо-промышленной колонизаціи стали выдѣляться при дальнѣйшемъ развитіи общественности у славянскихъ „находниковъ“ особый видъ колонизаціи—промышленно-торговый. По особенностямъ географическихъ условій онъ широко развился у Новгородцевъ, Славянъ Ильменскихъ, но не былъ чуждъ и колонизаторамъ среди Мери. Обиліе рыбы въ рѣкахъ и озерахъ и дѣйкихъ пушныхъ звѣрей въ лѣсахъ и добываніе изъ дерева угля, смолы и дегтя давали возможность Новгородцамъ и славянскимъ населеніямъ земли Мери развивать эти промыслы путемъ основанія особыхъ поселеній промышленнаго характера. Къ этимъ промысламъ съ теченіемъ времени прибавились новые: добываніе и обработка минераловъ и металловъ—соли и желѣза. Сбытъ всѣхъ этихъ произведеній черезъ Новгородъ за море, а равно и сбытъ хлѣба изъ земли Ростовско-Суздальской и черезъ ея посредство изъ Камской Булгаріи въ Новгородъ—произвелъ торговлю. На этой промышленно-торговой почвѣ возникли на сѣверѣ теперешней Россіи и въ средней ея полосѣ, путемъ также вольной колонизаціи, разные *рядки, перевары, слободы, варницы, торги, торжки*, т. е. малые торги, разные „усоля“ въ теперешней Пермской губ., Холопій Городокъ на Мологѣ, Рыбаньскъ, теперешній Рыбинскъ, Соль-Галичская и т. д. Торговля сношенія Ростовско-Суздальской земли съ Камской Булгаріей приводили славянскихъ насельниковъ этой земли въ наше среднее Поволжье, куда они заносили вмѣстѣ съ собою и православно-христіанское исповѣданіе. Въ 1229 году *торговый человекъ* св. Авраамій,—читаемъ въ Воскресенской лѣтописи—былъ замученъ въ столичномъ Великомъ городѣ Булгарь и погребенъ на кладбищѣ, *гдѣ погребались всѣ христіане.*

Тотъ-же свободный, вольный характеръ носить на себѣ первоначальная правительственная, княжеско-военная колониация, особенно развившаяся въ Ростовско-Суздальской землѣ и неизвѣстная Новгороду. При зачинѣ княжеской власти въ землѣ Ростовско-Суздальской тамъ издавна уже существовалъ сильный классъ крупныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ-промышленниковъ, не находившихся на службѣ у князя, а владѣвшихъ землями независимо отъ него и задолго до его появления въ Поволжьи. Свои земли эти землевладѣльцы населяли упомянутыми выше бродниками, повольниками, которые становились къ нимъ сначала въ экономическую, а потомъ и въ юридическую зависимость. Эти сильные землевладѣльцы извѣстны въ исторіи подъ именемъ *земскихъ бояръ*. Ихъ было много въ Новгородѣ, гдѣ они имѣли первенствующее значеніе на вѣчѣ, въ особенности изобиловала ими Двинская земля, бассейнъ Сѣверной Двины. Однимъ изъ такихъ земскихъ новгородскихъ бояръ былъ предокъ Строгановыхъ, (Стругановъ, отъ струга = рѣчное судно), еще быть можетъ въ XIII в. поселившійся въ верховьяхъ Камы и Печоры. Немало было такихъ первоначальныхъ *земскихъ бояръ* и въ землѣ Ростовско-Суздальской. Исторія сохранила память объ одномъ изъ нихъ, бояринѣ Кучкѣ, которому въ XII в. принадлежала масса деревень и поселковъ по рѣкѣ Москвѣ, на мѣстѣ теперешней первопрестольной столицы, которая называлась первоначально *Кучковымъ*. Приемы княжеско-военной колонизаціи въ землѣ Ростовско-Суздальской заключались: въ раздачѣ земель, въ основаніи поселеній и крѣпостей съ стратегическою цѣлью. Насельниковъ въ эти поселенія и крѣпости князя призываютъ частью изъ тѣхъ же охочихъ людей, привлекая ихъ разными льготами, частью же изъ своихъ дружинниковъ, а позднѣе изъ своихъ дворянъ, кото-

рымъ и раздають земли въ *помѣстьѣ*, а поселенія и крѣпости въ *жорменьѣ*. Типическимъ представителемъ князя колонизатора въ землѣ Ростовско-Суздальской является Юрій Долгорукой, сокрушившій могущество земскаго боярина Кучки и построившій въ Ростовско-Суздальской землѣ много *новыхъ, княжихъ* городовъ. Въ теченіи XII—XIV вв. постепенно, по мѣрѣ увеличенія князей въ этой землѣ, княжеско-военная колонизація дѣлаетъ быстрые успѣхи, покрывая всю эту землю княжими городами.

Объ руку съ княжеско-военной колонизаціей идетъ колонизація церковно-монастырская. Князь и его дружина являются первыми представителями христіанской религіи въ верхнемъ Поволжьи; ихъ сопровождаетъ епископъ; основываются церкви и монастыри или въ существовавшихъ уже поселеніяхъ, или на мѣстахъ языческихъ, славянскихъ и мерянскихъ капищъ, или на совершенно не заселенныхъ мѣстахъ, на которыхъ вскорѣ появляются новые поселки—уже христіанскіе. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ и укрѣпленіемъ христіанства появляются подвижники-аскеты, такіе же повольники-колонизаторы, какъ вольные землепроходцы, но богатыри иного завала: это не богатыри внѣшней, физической силы, а богатыри духа. Они проникають въ лѣсныя дебри, пустыни отдаленныя отъ человѣческаго жилья и здѣсь среди логовищъ медвѣдей и волковъ ставятъ себѣ хижину-молельню. Къ аскету подвижнику сходятся мало по малу „повольники“, „охочіе люди“, но уже не ищущіе разгула и приволья, а стремящіеся къ успокоенію душевному, жаждущіе не добычи и прибыли, а монашескаго подвига и спасенія души. Хижины этихъ охочихъ людей окружають первоначальную хижину аскета-подвижника; затѣмъ ставится церковь и вмѣстѣ съ группой хижинъ

огораживается тыномъ. Такъ возникаетъ „пустынь“, и колоколъ, призывающій къ молитвѣ братію, впервые нарушаетъ дѣвственную тишь лѣсовъ. Изъ монастырей распространяется христіанская проповѣдь среди язычниковъ. Богомольцы, прослышавши о подвижникѣ-пустынникѣ, спѣшатъ къ нему и нѣкоторые изъ нихъ поселяются вблизи монастыря, который мало по малу является центромъ цѣлаго ряда поселковъ и деревень. Пустыня оживляется, и строгіе аскеты изъ монастырской братіи ищутъ новыхъ безлюдныхъ, глухихъ мѣстъ—и бѣгутъ отъ міра; но повторяется та же исторія: ихъ хижина опять вырастаетъ въ монастырь, становится центромъ новыхъ поселеній. Основатель монастыря умираетъ, но слава о его подвигахъ распространяется вмѣстѣ съ рассказами о нетлѣнннхъ его мощей и о чудесахъ отъ нихъ. Благочестивые князья, бояре, служилые и торговые люди увеличиваютъ благосостояніе монастырей, какъ городскихъ, такъ и пустыней; они украшаютъ монастырскую церковь и раку св. угодника, а на содержаніе братіи жертвуютъ на поминъ души, своей и своихъ близкихъ, деньги, земли, села и деревни не только вблизи монастыря, но и вдали отъ него, въ разныхъ областяхъ обширной земли русской. Монастырь богатѣетъ и заселяетъ свои земли опять „охочими людьми“, или повольниками-земледѣльцами. Такимъ образомъ каждая новая церковь, каждый новый монастырь все шире и шире, все далѣе и далѣе на сѣверъ и востокъ раздвигаютъ элементъ славянскій и распространяютъ христіанство, силу наиболѣе ассимилирующую туземныя иноподчеськія племена и претворяющую ихъ въ одну, нераздѣльную народность Великорусскую. Князь и епископъ, городъ и монастырь—являются питомниками и проводниками этой культуры, которая съ теченіемъ времени развивается все болѣе и болѣе.

Этими четырьмя способами Великоруссы распростра-
няли свои колоніи не только въ теченіе XII — XV в.в.
на сѣверовостокъ и востокъ, среди финскихъ инородче-
скихъ племенъ, но и въ остальные вѣка, во всѣ послѣдую-
щія ступени своего колонизаціоннаго движенія на Востокъ;
способы эти лишь нѣсколько видоизмѣнялись и дополня-
лись иногда новыми, согласно историческимъ требованіямъ.
Въ XII — XIII в.в. Великоруссы подошли къ западнымъ
границамъ сильнаго царства Булгарскаго, а потому весьма
естественно вступили съ нимъ въ недружелюбныя отно-
шенія. Это царство занимавшее все среднее Поволжье и
по-Камье, центромъ своимъ имѣло теперешнюю Казанскую
губернію и терялось восточными своими границами въ ото-
ртахъ Уральскихъ горъ. Булгары въ началѣ XII в. врываются
въ глубь Ростовско-Суздальской земли, князья которой въ
свою очередь предпринимаютъ въ XII и XIII в.в. цѣлый рядъ
походовъ въ Булгарское царство, противъ подчиненнаго ему
финскаго народа Мордвы, разрушая города этого царства,
увозя съ собой много плѣнниковъ и оставляя въ плѣну мно-
гихъ изъ своихъ. Аrenoй этихъ войнъ была главнымъ обра-
зомъ мѣстность занимаемая въ настоящее время нашей, Ка-
занской губерней. Въ 1221 году на устьѣ рѣки Оки, въ центрѣ
мордовскихъ поселеній и на сборномъ мѣстѣ великорусскихъ
полчищъ противъ Мордвы и Булгаръ возникъ русскій новый
городъ Нижній, какъ залогъ дальнѣйшаго побѣдоноснаго
движенія Великоруссовъ по Волгѣ. Плѣненіе Булгарскаго цар-
ства въ 1236 году Татарами и опустошеніе ими въ слѣ-
дующемъ году земли Ростовско-Суздальской надолго преры-
ваютъ это движеніе, но и въ теченіе всего долгаго владычества
Татаръ надъ Русью Великорусское племя продолжаетъ свою

колонизаціонную дѣятельность въ верхнемъ Поволжьи указанными выше способами, все таки, хотя медленно, подвигаясь по Волгѣ и по верховьямъ притоковъ Камы, Волги.

Главнѣйшимъ историческимъ фактомъ изъ времени монгольскаго владычества надъ Русью является усиленіе власти Московскихъ князей и собираніе ими вокругъ Москвы русскихъ земель. Дальновидная, практическая политика этихъ князей, „собирателей Руси“, предъ ханами ордынскими не была единственнымъ факторомъ въ дѣлѣ возвышенія Москвы надъ всѣми другими русскими землями. Важныя историческія явленія бывають всегда результатами взаимодѣйствія многихъ факторовъ, и въ числѣ ихъ въ усиленіи Москвы имѣеть большое значеніе дальнѣйшее распространеніе монастырской колонизаціи. Три монастыря, особенно прославившіеся жизнью и подвигами своихъ основателей, являются въ XIV в. на С. В. метрополіями цѣлаго ряда монастырей и пустынь: Кирилловскій на Бѣломъ Озерѣ, Спасскій, такъ называемый Каменный, на озерѣ Кубенскомъ и Троицкій, основанный въ Московскомъ княжествѣ св. Сергіемъ, сыномъ боярина изъ ростовскаго города Радонежа. Св. Авраамій Чухломской въ сѣверо-восточномъ углу Костромской стороны и св. Діонисій Глушицкій въ окрестностяхъ Вологды являются въ XIV в. основателями цѣлаго ряда монастырей, а послѣдній, кромѣ того, и церквей въ деревняхъ и на пустыхъ, незаселенныхъ мѣстахъ. Они распространяють евангельскую проповѣдь среди „Чуди-бѣлоглазой“, все болѣе и болѣе удаляясь въ лѣсныя дебри С. В. Въ XIV в. великое ученіе Иисуса Христа достигаетъ Пермской земли, жилища дивихъ Зырянъ, у которыхъ проповѣдуетъ Евангеліе, избрѣтая для нихъ.

особый даже алфавитъ, св. Стефанъ, постриженникъ ростовскаго Григорьевскаго монастыря. Монастыри, возникающіе въ XIII и XIV вв., въ Нижнемъ Новгородѣ—Благовѣщенскій и Печерскій насаждаютъ православіе на лѣвомъ берегу Волги, по рр. Ветлугѣ и Унжѣ. Здѣсь особенно выдаются подвиги св. Макарія Унженскаго. И по собственному почину, и по вліянію митрополита Московскаго и всея Руси, сдѣлавшаго въ началѣ XIV в. своей резиденціей Москву, многіе изъ сѣв.-восточн. монастырей отдають себя подъ „сильную руку“ Московскаго великаго князя, способствуя тѣмъ распространенію его власти.

Татарское владычество надъ Русью, въ силу новыхъ историческихъ обстоятельствъ—постоянныхъ опустошеній ордынцами сѣверо-восточной Руси, выработало особый видъ колонизаціи великорусской въ среднемъ и нижнемъ Поволжьи, мѣстахъ занятыхъ улусомъ Джучи, Золотою ордою. Этотъ видъ былъ діаметрально противоположенъ исконному русскому колонизаціонному типу—колонизаціи вольной, а потому можетъ быть названъ *п о д н е в о л ь н ы м*. Татары при своихъ набѣгахъ вводили къ себѣ массу русскихъ плѣнныхъ, а въ томъ числѣ и Великоруссовъ и, обращая ихъ въ рабство, селили на пустопорожнихъ земляхъ въ среднемъ и нижнемъ Поволжьи. Эти плѣнные, сохраняя свою православную религію, повидимому распространяли здѣсь земледѣльческую культуру, незнаемую номадамъ Монголамъ. На такое предположеніе наводятъ насъ два обстоятельства: 1) по покореніи Казанскаго царства Іоанномъ IV, въ этомъ царствѣ нашлось много православныхъ русскихъ врестьянъ, поселенныхъ на земляхъ татарскихъ мурзь и князей, 2) множество татарскихъ словъ, относящихся къ земледѣлію, къ которому Казанскіе Татары до сихъ поръ не имѣють склонно-

сти, заимствовано изъ русскаго языка; такъ, самый главный хлѣбъ нашего Казанскаго Поволжья—*рожь*, по татарски называется *арышъ*, что, очевидно, составляетъ перезвукову русскаго названія этого хлѣба. Что въ Ордѣ было много христіанъ, какъ русскихъ плѣнниковъ, такъ и оставшихся отъ времени Булгарскаго царства поселившихся тамъ русскихъ купцовъ и также плѣнныхъ—доказывается, между прочимъ, необходимостью имѣть особаго епископа въ Сараѣ, главной ставкѣ хана Золотой орды: въ 1261 году была учреждена епархія *Сарская* (т. е. Сарайская) и *понадонская*.

Въ длинномъ рядѣ враждебныхъ столкновений Велико-руссовъ съ Татарами слѣдуетъ отмѣтить знаменитую Куликовскую битву (1380 г.), которая произвела громадное впечатлѣніе на все населеніе тогдашней Россіи: Татары могли быть побѣждены Русскими! Профессоръ С. М. Соловьевъ смотритъ на Куликовскую побѣду, какъ на доказательство крѣпости Московскаго государства и, сравнивая ее съ побѣдами Азціи надъ Гуннами и Карла Мартелла надъ Арабами, такъ опредѣляетъ всемірно-историческое значеніе Куликовской битвы: „Она была знѣкомъ торжества Европы надъ Азіей;—говоритъ онъ—она имѣетъ въ исторіи восточной Европы точно такое же значеніе, какое побѣды Католаунская и Турская имѣютъ въ исторіи Европы западной, и носить одинакій съ ними характеръ страшнаго кроваваго побоища, отчаяннаго столкновения Европы съ Азіей, долженствовавшаго рѣшить великій въ исторіи человѣчества вопросъ—которой изъ этихъ частей свѣта восторжествовать надъ другою?“ Хотя послѣ Куликовской битвы Московское государство и испытало нашествія двухъ знаменитыхъ азіатскихъ завоевателей—Тохтамыша и Тимурлана, но народный духъ оживился, благодаря Куликов-

ской битвѣ, и на этихъ завоевателей народъ не смотрѣлъ уже какъ на непобѣдимыхъ.

Смуты, происходившія въ Ордѣ со второй половины XIV вѣка, ослабляли ея силы и она распадалась на нѣсколько независимыхъ улусовъ. Одинъ изъ нихъ былъ самымъ важнымъ для Великороссіи—улусъ Казанскій, возникшій во второй половинѣ XV вѣка на развалинахъ царства Булгарскаго. Со второй половины XIV вѣка русскіе князья, Нижегородскій и Московскій, возобновляютъ дѣло Ростовско-Суздальскихъ князей—походы въ землю Булгарскую, а въ 1431 г. эта земля покоряется московскимъ оружіемъ.

Борьба съ Казанскимъ улусомъ долго была не подъ силу Московскому государству, тѣмъ не менѣе оно упорно добивается подчиненія своей власти Казани—этой наследницы Золотой орды. При преемникѣ московскаго великаго князя Василя Васильевича, Иоаннѣ III, величайшемъ изъ собирателей земли Русской, твердо установившемъ государственное начало на Руси и окончательно освободившимъ себя отъ подчиненности Ордѣ, предпринимается цѣлый рядъ походовъ подъ Казань, и Казанскій царь Мехметъ-Аминь, съ своимъ братомъ Абдуль-Летифомъ, являются „присяжниками Иоанна III на всей его волѣ“, хотя оба они хитрятъ и лукавятъ передъ Московскимъ великимъ княземъ, оставаясь втайнѣ его сознательными врагами. При Василю Иоанновичѣ московское вліяніе въ Казани усиливается, но съ большими затрудненіями, благодаря борьбѣ тамъ двухъ партій—московской и крымской. Стремленіе Крымскихъ хановъ этого времени образовать сильное мусульманское госу-

дарство и близкое ихъ общеніе съ Казанью сильно беспокоятъ Московскаго великаго князя. Тѣмъ не менѣе, при помощи походовъ подъ Казань, при Василии Іоанновичѣ великорусская княжеско-военная колонизація подвигается дальше на востокъ: въ 1524 г., при впаденіи Суры въ Волгу, былъ основанъ великорусскій городъ, названный по имени великаго князя Василь-Сурскомъ.

Правительство лучшихъ людей въ малолѣтство Іоанна Грознаго, „избранной рады“, съ Сильвестромъ и Адашевымъ во главѣ, очень хорошо поняло важность окончателнаго подчиненія Казани Московскому государству. Походъ 1550—1551 г.г. подъ Казань былъ какъ-бы предостереженіемъ независимости Казани. Московскія войска въ этотъ походъ, подъ предводительствомъ самого царя, хотя и отступили отъ города, но за то поставили новую великорусскую колонию всего въ 30 верстахъ отъ Казани: въ 1551 г. былъ основанъ Свияжскъ. Лѣтомъ этого же года предпринимается опять самимъ царемъ Іоанномъ IV новый походъ подъ Казань,—и на этотъ разъ Казань не устояла. Послѣ шестинедѣльной осады, она была взята московскими войсками 2-го Октября 1552 г. ¹⁾ Вслѣдъ за Казанью въ 1554 г. пала Астрахань. Вотъ какъ характеризуетъ взятіе Русскими Казани С. М. Соловьевъ: „До тѣхъ поръ пока существовала Казань, до тѣхъ поръ дальнѣйшее движеніе русской колонизаціи на востокъ по Волгѣ, наступательное движеніе Европы на Азію было невозможно. Страшное ожесточеніе, съ какимъ Татары,

¹⁾ Какъ извѣстно, до Петра Великаго въ древней Руси счетъ годамъ велся отъ сотворенія міра и днемъ новолѣтія было 1-е Сентября. Такимъ образомъ Іоаннъ IV обложилъ Казань въ Августѣ 1551 г., а взялъ ее 2-го Октября 1552 г..

эти жители степей и кибитокъ, способные къ нападснiю, но-
неспособные къ защитѣ, защищали однако Казань, это страш-
ное ожесточенiе заслуживаетъ вниманiе историка: здѣсь сред-
няя Азiя, подъ знаменемъ Магомета, билась за свой послѣднiй
оплотъ противъ Европы, педшей подъ христіанскимъ знаме-
немъ государя Московскаго. Пала Казань, и вся Волга стала
рѣкою Московскаго государства; завоеванiе Астрахани было
скорымъ, неминуемымъ слѣдствiемъ завоеванiя Казани. Мы
видѣли, что до сихъ поръ колонизацiя русская брала сѣверо-
восточное направленiе: юго-восточная часть великой равнины
не была ей доступна по причинѣ господства здѣсь кочевыхъ
ордъ: но съ паденiемъ Казани, т. е. со взятiемъ всей Волги
во владѣнiе Московскимъ государствомъ, русскiя поселенiя
получили возможность распространяться и на юго-востокъ,
въ богатыя страны, орошаемыя западными притоками Волги
и восточными Дона“.

Покоренiемъ Казани и Астрахани Иоаннъ IV открылъ
путь московскому государственному влiянiю до самаго Кав-
каза, мелкiе владѣтели котораго спѣшили искать защиты и
покровительства Иоанна IV отъ Крыма и даже подданства;
но онъ не сразу подчинилъ русскому владычеству все среднее
и нижнее Поволжье. Память о грозномъ значенiи этихъ царствъ
для Москвы была еще сильна у туземцевъ Татаръ, а поволжскiе
инородцы финскаго и тюрскаго племени—Мордва, Черемисы,
Чуваши, Вотяки и Башкиры, входившіе въ составъ Казан-
скаго царства, долго не покоряются русской власти; ихъ нужно
усмирять вооруженною рукою. Кромѣ того, на окраинахъ
царства Астраханскаго еще существовалъ независимый татарскiй
улубъ—Ногайскiй. А потому Московское государство должно
было съ большимъ усилiемъ закрѣплять эти вновь покорен-

ныя царства за русскою властью. Средства и власти у царя Московскаго было несравненно больше чѣмъ у князей Ростовско-Суздальскихъ, вслѣдствіе чего и правительственная о-военная колонизація изъ Москвы въ среднее и нижнее Поволжье, начиная съ половины XVI в., была болѣе, такъ сказать, наступательнаго характера и отличалась и своими приѣмами отъ княжеско-военной колонизаціи XII—XIII в. в.

До исхода XVI в. она выражалась въ слѣдующихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ: во 1-хъ, въ поселеніи въ городѣ Казани русскихъ людей служилыхъ, опальныхъ царедворцевъ и разныхъ городскихъ обывателей—людей торговыхъ и ремесленниковъ. Въ числѣ служилыхъ людей въ Казани мы встрѣчаемъ множество лицъ изъ старинной русской знати, потомковъ удѣльныхъ князей: князей Шуйскихъ, Ушатыхъ, Шастуновыхъ, Засѣиныхъ, Сицкихъ, Темкиныхъ, Ромодановскихъ, Гагариныхъ, Лыковыхъ, Мезецкихъ и др.; во 2-хъ), въ построеніи новыхъ городовъ, укрѣпленныхъ пунктовъ среди инородческаго населенія: съ 1557 по 1584 г. возникли въ нашемъ краѣ Чебоксары, Лаишевъ, Царевкокшайскъ, Козмодемьянскъ, Царевосанчурскъ, Уржумъ, Цивильскъ и Тетюши, а позднѣе, Уфа, Бирскъ и Самара, какъ главныя военныя укрѣпленія въ землѣ Башкирь, а въ нижнемъ Поволжьи—Саратовъ и Царицынъ; въ эти новые города призывались уже не охочіе люди, не сходцы, а поселялись въ нихъ какъ служилые люди изъ разныхъ мѣстностей Московскаго государства, такъ и плѣнные Полявы и Литовцы; въ 3-хъ), въ раздачѣ „порожихъ“, „дивихъ“ земель служилымъ людямъ казанскимъ и вновь построенныхъ городовъ; на эти земли стекались по прежнему охочіе люди изъ разныхъ внутреннихъ областей Московскаго государства; и наконецъ, въ 4-хъ), въ ссылкѣ на жительство преступниковъ.

Походъ Іоанна IV подъ Казань 1551—1552 г. носилъ религиозный характеръ: то былъ въ маломъ размѣрѣ Крестовый походъ православныхъ Великоруссовъ противъ казанскихъ мусульманъ. Походъ этотъ, по сказанію лѣтописцевъ, сопровождался чудесами и былъ окруженъ церковными церемоніями. Вслѣдъ за взятіемъ Казани началось обращеніе Татаръ въ православіе, но магометанство, пустившее въ Казани глубокіе корни еще въ эпоху Булгарскую, съ X вѣка, оказало съ теченіемъ времени сильное упорство по отношенію къ православной религіи; если правительству Московскому стоило не малаго труда укоренить въ Казанскомъ краѣ русскихъ поселенцевъ, то еще болѣе труда предстояло русской церкви въ борьбѣ съ казанскимъ мусульманствомъ. Св. Гурій, назначенный вскорѣ послѣ взятія Казани архіепископомъ казанскимъ началъ весьма успѣшно свою миссіонерскую дѣятельность въ нашемъ краѣ, обращая казанскихъ Татаръ и другихъ инородцевъ въ православіе лаской и по ихъ собственному желанію. Въ томъ же направленіи дѣйствовали свѣяжскій архимандритъ св. Варсонофій и преемникъ св. Гурія, св. Германъ. Но послѣ нихъ надолго прекратилась миссіонерская дѣятельность въ Казанскомъ краѣ: изъ преемниковъ св. св. Гурія и Германа за XVI в. ею отличался лишь первый казанскій митрополитъ Гермогенъ, извѣстный впоследствии патріархъ московскій, въ смутное время запечатлѣвшій свою дѣятельность высокимъ патріотизмомъ. За весь же XVII в. миссіонерская дѣятельность въ Казани замолкаетъ.

Смутное время задерживаетъ колонизаціонное движеніе въ Казанскій край: русскіе люди въ это короткое хронологически, но тяжкое по событіямъ лихолѣтье, стремились изъ

разныхъ областей, изъ окраинъ государства, къ его центру, къ Москвѣ, чтобы учинить тамъ „нарядъ“ и возстановить ея главенство, пошатнувшееся во время смуты. При Михаилѣ Феодоровичѣ Романовѣ, и въ особенности при его преемникахъ до исхода XVII в., правительственная колонизація въ Поволжье возобновляется въ усиленныхъ размѣрахъ.

Помѣстья служилымъ людямъ раздаются въ большомъ количествѣ; строятся новые города (въ числѣ ихъ Симбирскъ въ 1648 году), „остроги“ и „острожки“, для укрѣпленія русской власти среди инородцевъ, и возводятся сплошныя засѣчныя и сторожевыя линіи, ограждающія лѣвый берегъ Камы и среднее, горное и луговое Поволжье, до Самары и верховьевъ рѣки Суры, отъ степи, отъ вторженія разныхъ азіатскихъ воевниковъ, прежнихъ Ногаевъ и вновь появившихся Калмыковъ. Эти сторожевыя линіи постепенно опускаются все далѣе и далѣе на югъ, и въ XVIII в. достигаютъ верховьевъ Дона, соединяясь съ системой южныхъ сторожевыхъ линій, воздвигнутыхъ въ XVII в. для защиты отъ степняковъ южной границы государства. Но долго приходится русской государственной власти бороться съ поволжскими инородцами и степняками, которые не легко уступаютъ свою территорію и свои права Россійскому государству. Особенно упорными являются Башкиры и Калмыки. Ихъ повстанья тянутся чрезъ весь XVIII в.; и много усилій приходится употребить русскому правительству для ихъ усмиренія.

Колонизація монастырская въ Поволжьи въ XVI и XVII в.в. продолжаетъ идти по своему прежнему направленію. Починъ ея въ нашемъ краѣ принадлежитъ двумъ монастырямъ: извѣстному Троицко-Сергіевскому, осно-

ванному близъ Москвы въ XIV в. св. Сергіемъ Радонежскимъ, и вновь основанному въ 1555 г. въ Свіязскѣ Богородицкому Успенскому. Московскій Троице-Сергіевскій монастырь владѣлъ обширными земельными угодьями по Волгѣ и Свіагѣ, и первой его колоніей былъ Троицкій Сергіевъ монастырь въ Свіязскѣ, основанный, вслѣдъ за взятіемъ Казани, въ память и въ честь св. Сергія Радонежскаго, считавшагося до исхода XVI в. покровителемъ Казани; монастырь этотъ упраздненъ при Еватеринѣ II. Первый казанскій архіепископъ св. Гурій и монастыри основанные въ Казани въ XVI в: Спасопреображенскій, Зилантовъ, Кизическій, Іоанно-предтеченскій и женскій Богородицкій—получили отъ царей Іоанна IV и Θεодора Іоанновича большія земельныя владѣнія. Седьміозерный и Раиескій, основанные въ началѣ XVII в., уже послѣ смутнаго времени — получили земли отъ царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича. Эти два монастыря и Спасопреображенскій становятся главными проводниками монастырской колонизаціи на луговой сторонѣ Волги до Камы, а на горной сторонѣ средняго теченія Волги колонизаторомъ явился тетюшскій пустынный монастырь. Но кромѣ того много древнихъ монастырей московскихъ владѣло вотчинами въ Поволжьи и населяло ихъ русскими людьми.

Для колонизаціи промышленно-торговой въ среднемъ и нижнемъ Поволжьи въ XVI и XVII в. в. не находилось благоприятныхъ условий, хотя Казань и была центромъ среднеазиатской торговли. Волга съ ея притоками давала громадный уловъ рыбы, составлявшій значительный промыселъ сельниковъ этой мѣстности; на многихъ среднихъ и небольшихъ рѣкахъ Поволжья заводились мукомольныя мельницы, а въ

обильныхъ лѣсахъ нашего края того времени развивалось бортничество (пчеловодство); но эти промыслы, за исключеніемъ рыболовства, не вызывали отдѣльныхъ поселеній, а составляли оброчныя статьи государя Московскаго, помѣщиковъ и вотчинниковъ изъ служилыхъ людей, и въ особенности монастырей. Промышленно-торговая колонизація стала развиваться въ бассейнѣ Камы и въ Приураліи, о чемъ мы скажемъ ниже.

Вольная колонизація какъ и прежде продолжаетъ свое дѣло, но согласно условіямъ времени и мѣста измѣняетъ свой характеръ. Кромѣ вольныхъ переселенцевъ—хлѣбопашцевъ и рыболововъ съ государевыхъ и общинныхъ крестьянскихъ земель, ищущихъ раздолья на берегахъ Волги еще съ первой половины XVI в. притекають въ нижнее Поволжье сходцы изъ разныхъ мѣстностей Россіи, обездоленные жизнію у себя дома, разная „голытьба“, образуемая казацкія общины по рѣкѣ Яику (Уралу) и въ низовьяхъ Волги. Эти общины увеличиваются особенно въ смутное время, въ которое выросло и окрѣпло казачество, а въ XVII и XVIII в. в. проявляютъ свою анти-государственную дѣятельность въ повстаньяхъ Разина и Пугачева. Повстанье Разина задерживаетъ на время колонизаціонное движеніе внизъ по Волгѣ, какъ правительственное, такъ и монастырское, которыя возобновляются лишь по его усмиреніи. Кромѣ казаковъ въ среднее и нижнее Поволжье въ XVI и XVII в. в. стекается масса бѣглыхъ изъ внутреннихъ областей Россійскаго государства, самовольно поселяющихся на обильныхъ, никѣмъ не занятыхъ „порозжихъ“ земляхъ. Они пристають къ Разину и долго послѣ него составляютъ главный контингентъ удалой понизовой вольницы, грабившей Поволжье въ исходѣ XVII и въ первой

половинѣ XVIII в., а затѣмъ, мельчая и разбиваясь въ небольшія шайки, переходятъ въ разбойниковъ. Съ исхода же XVII в. является въ среднемъ и нижнемъ Поволжьи новый видъ свободныхъ переселенцевъ, незнакомый удѣльно-вѣчевой Руси: раскольники - старообрядцы, убѣгающіе отъ преслѣдованій московскаго правительства и церковной іерархіи. Главнымъ мѣстомъ ихъ укрывательства становится степь на луговомъ берегу Волги, ниже Самары (теперешніе Николаевскій и Новоузенскій уѣзды Самарской губерніи), по которой раскольники пробираются въ рѣкамъ Большому Иргизу и Узеньямъ.

Въ противоположность колонизаціи вольной развивается здѣсь въ XVII вѣкѣ колонизація подневольная, начало которой было положено въ монгольское завоеваніе. Эта подневольная колонизація производилась помѣщиками и вотчинниками, которые, при окончательномъ установленіи крѣпостнаго права въ XVII в., переводили своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и холоповъ изъ внутреннихъ областей на пожалованныя имъ земли въ царствахъ Казанскомъ и Астраханскомъ.

Взятіемъ Казани былъ очищенъ путь русскимъ людямъ по Камѣ въ Уральскимъ горамъ, древній путь проложенный еще новгородскими ушкуйниками съ XII до XIV в. вѣлчительно, путь который велъ въ земли полумиѣической Югры, занятая независимымъ еще отъ Россіи татарскимъ царствомъ Кучума. Въ этой мѣстности въ XVI в. особенно широко развивается промышленно-торговая колонизація, благодаря неустанной дѣятельности исонныхъ колонизаторовъ Покамья, новгородцевъ Строгановыхъ. Въ 1558 г., черезъ

шесть лѣтъ послѣ взятія Казани, Строгановы получили во владѣніе отъ царя Іоанна IV обширное земельное пространство по рѣкамъ Камѣ и Чусовой, для обереганія отъ вторженія въ предѣлы Московскаго государства разныхъ инородцевъ, жившихъ по ту сторону Уральскихъ горъ; а черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1574 г., царь Іоаннъ IV даетъ тѣмъ же Строгановымъ право на владѣніе рѣкой Тоболомъ съ притоками, т. е. уже территорією теперешней западной Сибири. Всѣ эти владѣнія Строгановыхъ были очень обширны: вмѣстѣ съ прежними ихъ владѣніями въ теперешнихъ губерніяхъ Вологодской и Вятской, они занимали площадь въ половину Пермской губерніи, что равняется Шотландіи вмѣстѣ съ Ирландіей, или трети Франціи. Характеръ владѣній Строгановыхъ и ихъ положеніе въ Московскомъ государствѣ были весьма своеобразны: сохраняя типъ новгородскихъ земскихъ бояръ, никогда не бывшихъ на службѣ московскихъ государей, они пользовались исключительными привилегіями. Историкъ фамиліи Строгановыхъ, академикъ Устряловъ, говоритъ слѣдующее: „Владѣтели обширной страны въ пермскихъ предѣлахъ, они производили въ ней судъ, какъ феодальные бароны, независимо отъ пермскихъ намѣстниковъ и отъ московскихъ приѣззовъ; сами же не подлежали ничьему суду, кромѣ личнаго суда царскаго; имѣли право строить города и крѣпости, содержать поля людей ратныхъ, лить пушки, воевать съ владѣтелями Сибири и вести беспошлинно заграничную торговлю съ народами азіатскими. Признавая непосредственнымъ своимъ судьей самого царя, слѣдовательно не уступая въ чести знатнѣйшимъ сановникамъ, а другими преимуществами далеко превосходя ихъ, Строгановы имѣли особенное званіе, исключительно имъ принадлежавшее, званіе именитыхъ людей; со-

ставляли особенное почетное сословіе, для другихъ недоступное, и отъ того особенною статьею внесены въ соборное Уложение царя Алексѣя Михайловича“.

Одна изъ казацкихъ дружинъ, бродившихъ по низовью Волги подъ предводительствомъ атамана Василя Тимоеевича, по прозванію Ермака, получила въ концѣ 1570-хъ годовъ приглашеніе отъ Строгановыхъ защищать ихъ владѣнія отъ нападеній Вогуловъ и сибирскаго царя Кучума. Въ самый день новаго года, 1-го сентября 1581 г., Строгановы снарядили въ Кучумово царство дружину Ермака, присоединивъ въ ней ратныхъ людей изъ построенныхъ ими городковъ. Ермакъ покорилъ улусы татарскіе по рѣкамъ Иртышу и Оби и „добилъ челомъ“ вновь приобрѣтенными землями царю Іоанну IV, который послалъ казакамъ свое „большое жалованье“, а для принятія покоренныхъ земель отправилъ воеводу. Такъ произошло начало покоренія пространной сѣверной украины Азій, извѣстной въ настоящее время подъ именемъ Сибири. Европейцы въ лицѣ Великоруссовъ перешли въ своемъ наступательномъ движеніи на востокъ за предѣлы Европы въ со-сѣдную часть свѣта. Дальнѣйшее покореніе Сибири произошло уже послѣ смерти грознаго царя и Ермака.

Сибирь, населенная финскими, тюркскими, монгольскими, манджурскими и сѣвернопоморскими племенами, постепенно присоединялась въ Московскому государству. Въ концѣ XVI в. Великоруссы владѣли южными верховьями Оби и Иртыша, черезъ столѣтіе, въ исходѣ XVII в., они завладѣли уже Камчаткой и побережьемъ рѣки Амура. Не вдаваясь въ подробности водворенія Великоруссовъ въ Сибири, я припомню только самый способъ поселенія ихъ тамъ и имена тѣхъ малоизвѣстныхъ, но геройскихъ „землепроходцевъ“, которые распространяли

великорусскій элементъ отъ Урала до Тихаго океана.

Колонизація Сибири послѣ Ермака была первоначальной типической великорусской колонизаціей, -- в о л ь н о й, которая, что видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, переходила въ промышленно-торговую. Казаки, а вслѣдъ за ними охочіе люди, идя по сибирскимъ рѣкамъ и по волокамъ между ними, основывали среди тамошнихъ инородцевъ постоянныя великорусскія поселенія, города и остроги, или временныя зимовья, гдѣ было удобно укрыться отъ суровой сибирской зимы, занимались звѣроловствомъ, забирали себѣ пушной товаръ у инородцевъ и обладывали ихъ ясакомъ въ пользу „великаго государя Московскаго и всея Руси“. Вслѣдъ за ними являлись въ Сибирь бѣглецы крестьяне изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства, а также и раскольники, преслѣдуемые въ Москвѣ. Выдающимися изъ казаковъ и прибыльщиковъ были: Поярковъ, Хабаровъ, Булдаковъ, Дежневъ, Атласовъ и др. Я думаю, что весьма многимъ неизвѣстна дѣятельность этихъ предприимчивыхъ „землепроходцевъ“, искрестившихъ Сибирь отъ Уральскихъ горъ до Камчатки и отъ горъ Алтайскихъ, Саянскихъ, Яблоновыхъ и Становыхъ до Ледовитаго океана; а ихъ подвиги, въ борьбѣ съ суровой природой Сибири, при неизмѣримыхъ ея пространствахъ, и съ дикими инородческими ея обитателями по крайней мѣрѣ равняются подвигамъ Магеллана, Кортеса, Пизарро и другихъ предприимчивыхъ западно-европейцевъ въ Новомъ Свѣтѣ. Я убѣжденъ, что весьма немногимъ напр. извѣстно, что Семень Дежневъ во второй половинѣ XVII в. открылъ проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки и названный именемъ болѣе счастливаго, а главное ученаго, датчанина капитана Беринга, заново открывшаго этотъ проливъ въ первой половинѣ XVIII в.

Всѣ названные землепроходцы хотя и эксплуатировали сибирских инородцевъ, не отличаясь нравственнымъ развитіемъ, но никогда не доходили до того безчеловѣчія и звѣрства, съ какими обращались колонисты романо-германской расы съ дикими индійскими племенами Америки. Объ руку съ покореніемъ Сибири развивается въ ней великорусскими, и главнымъ образомъ московскими, купцами торговля, сперва съ туземцами - инородцами и русскими поселенцами, а затѣмъ (въ концѣ XVII в.) съ Китаемъ. Торговый путь шелъ Волгой и Камой, а далѣе на Верхотурье.

Правительственно-военная и церковно-монастырская колонизаціи слѣдовали за колонизаціей вольной; въ города и остроги, основываемые землепроходцами-промышленниками, посылались царскіе воеводы съ гарнизономъ и надсмотрщики за правильнымъ взиманіемъ ясака. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича стали ссылаться въ Сибирь преступники. Въ русскихъ поселеніяхъ строятся православные храмы, а рядомъ съ ними возникаютъ монастыри: такъ съ начала XVII в. постепенно появляются монастыри въ Верхотурьѣ, Тюмени, Тобольскѣ, Березовѣ. Особенною ревностью въ дѣлѣ основанія монастырей и поднятія нравственности русскихъ переселенцевъ отличается первый тобольскій архіепископъ Кипріанъ (въ первой четверти XVII в.), который основываетъ нѣсколько монастырей въ теперешней западной Сибири. По мѣрѣ движенія Русскихъ по Сибири, все далѣе и далѣе на востокъ, возникаютъ по ихъ пути церкви и монастыри.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію дальнѣйшей колонизаціи Великорусовъ въ XVIII в. въ Поволжьи и Сибири и ихъ движенія въ Среднюю Азію, намъ необходимо оглянуться назадъ на Западъ, на романо-германскія племена, оставленные нами при ихъ первоначальномъ движеніи на Востокъ въ VIII в. и при ихъ столкновеніи съ послѣднимъ выходцемъ изъ Азіи на Европейскій материкъ—Турками.

Движеніе Нѣмцевъ на Востокъ распространяетъ вмѣстѣ съ ними римскій католицизмъ. Бранденбургская марка—этотъ нѣмецкій аванпостъ на Востокѣ, возникшій еще въ IX вѣкѣ, является главнымъ очагомъ онѣмеченіи Балтійскихъ Славянъ, части Поляковъ и литовскаго племени Прусовъ; а появленіе Тевтонскихъ рыцарей и Меченосцевъ въ XIII в. на восточномъ побережьи Балтійскаго моря и принятіе въ XIV в. Литовцами римскаго католицизма довершаютъ это дѣло. Польша, принявшая христіанство также изъ Рима, всѣми своими симпатіями тянетъ къ папству, а соединившись въ XIV в. съ западными и юго-западными русскими землями, извѣстными подъ именемъ великаго княжества Литовскаго и слившись съ нимъ окончательно въ XVI в., она расширяетъ свои предѣлы на востокъ до лѣваго побережья и верховьевъ Днѣпра и является распространительницей римскаго католицизма среди русской народности. Утвержденіе Нѣмцевъ на Балтійскомъ побережьи и распространеніе на востокъ Польско-Литовскаго государства происходятъ въ тяжелую для Великорусовъ годину зависимости ихъ отъ Золотой орды; но какъ только Москва усиливается, она вступаетъ въ борьбу сначала оборонительную, а потомъ наступательную съ представителями нѣмецкаго и римско-католическаго элемента на западныхъ окраинахъ Россіи, составляя преграды дальнѣйшему распространенію на Востокъ.

папизма и германизации Славянъ. Я не имѣю возможности въ настоящее время представить Вамъ даже перечень самыхъ крупныхъ фазисовъ этой борьбы, но долженъ упомянуть о ней, чтобы отмѣтить только знаменательную историческую роль племени Великорусскаго: двигаясь поступательно на Востокъ, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ не допускаетъ къ тому же движению своихъ западныхъ сосѣдей, и отстаиваетъ въ борьбѣ съ ними свое право на участіе въ общей жизни европейскихъ народовъ. Съ этой точки зрѣнія вопросы польскій и балтійскій имѣютъ свою длинную и поучительную исторію. Оба они возникли въ XVI в. и, разрѣшившись въ пользу Россіи въ XVIII в., ждутъ еще дальнѣйшаго развитія въ національномъ русскомъ направленіи ¹⁾.

Въ концѣ XV в. Великорусское племя, при московскомъ великомъ князѣ Иоаннѣ III, освобождается отъ татарской зависимости, а затѣмъ, какъ мы видѣли, возобновляетъ свое поступательное движеніе на Востокъ. Куда же направляются въ это время народы западной Европы, которые въ лицѣ Нѣмцевъ и Поляковъ были остановлены Великоруссами въ ихъ поступательномъ движеніи на Востокъ?

Романо-германскимъ племенамъ становилось тѣсно жить у себя дома: они не имѣли передъ собой, какъ Русскій на-

¹⁾ Я не касаюсь отношеній Россіи къ Крыму и Турціи, а также и такъ называемаго восточнаго вопроса, во 1-хъ) потому, что отношенія эти начаты не Великоруссами, а Малоруссами, историческая дѣятельность которыхъ не рассматривается въ моей рѣчи; а во 2-хъ) потому что движеніе къ Крыму и къ Балканскому полуострову Великоруссовъ, по ихъ географическому положенію въ Европейской Россіи, является на югъ, а не на востокъ. На основаніи этой второй причины я не говорю и объ утверженіи Русскихъ на Кавказѣ.

родъ, обширныхъ степей и равнинъ, орошаемыхъ громадными рѣками, которыя отрывали путь въ совсѣмъ почти безлюдную страну — сѣверную украину Азіи; свободное передвиженіе романо-германскихъ племенъ, напротивъ, затруднялось обиліемъ горныхъ краевъ въ западной части Европы, которыхъ не было у насъ, жителей восточной европейской равнины; но за то ихъ географическое положеніе сравнительно съ нами имѣло большое преимущество: западно-европейскій материкъ непосредственно прикасался къ внутреннимъ европейскимъ морямъ и къ Атлантическому океану. Весьма естественно, что племена романо-германскія стали искать для своей колонизаціи новыхъ мѣстъ за Средиземнымъ моремъ и за океаномъ Атлантическимъ.

Конецъ XV в. знаменуется въ западной Европѣ великими географическими открытіями, сообщившими импульсъ къ расширенію западно-европейской цивилизаціи и давшими романо-германскимъ племенамъ новыя мѣста для поселеній. Въ средніе вѣка былъ очень распространенъ въ западной Европѣ слухъ о необыкновенныхъ богатствахъ и чудесахъ отдаленной страны въ южной Азіи, населенной также Аріями — Индіи, но о племенномъ родствѣ своемъ съ насельниками Индіи западные Европейцы того времени не имѣли никакого понятія. Стремленіе попасть въ эту связочную страну привело, какъ извѣстно, къ ознакомленію западныхъ Европейцевъ съ западнымъ берегомъ и южной оконечностью Африки, и къ открытію за-атлантическаго материка, существованіе котораго въ то время никто не подозрѣвалъ въ Европѣ. Васко-де-Гама и Колумбъ стали во главѣ цѣлаго ряда смѣльчаковъ, португальцевъ и испанцевъ, дѣлавшихъ въ теченіи XVI в. новыя открытія въ за-атлантическомъ материкѣ и подчиняв-

шихъ вновь открываемыя земли Испанской и Португальской коронѣ: Магелланъ, Кортесъ и Пизарро занесли свои имена въ исторію, какъ отважные мореплаватели и побѣдители некультурныхъ и культурныхъ народностей Новаго Свѣта. Масса охочихъ людей изъ романскаго племени — Португальцевъ и Испанцевъ стремится въ ново-открытыя земли искать наживы и извѣстности, эксплуатируя американскихъ аборигеновъ. За ними слѣдуютъ „сходцы“ изъ племени германскаго—Голландцы, Англо-Саксы и Датчане. Индія, послужившая поводомъ къ открытію Новаго Свѣта, привлекала романо-германскія племена не менѣе за-атлантическаго материка. Первыми утверждаютъ въ ней Португальцы въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. Въ XVI в. появляются тамъ торговыя факторіи Англичанъ, которыя въ XVIII в. разрастаются въ обширную торговую компанію, извѣстную подъ именемъ Остъ-Индской; Французы заводятъ въ Остъ-Индіи торговыя колоніи во второй половинѣ XVII в., но черезъ столѣтіе торговыя ихъ операціи подрываются англійскою компаніей. Во второй половинѣ XVIII в. западные Европейцы стремятся въ только что открытыя Австралію и Океанію и порабощаютъ тамошнихъ туземцевъ.

Русскіе въ XVIII в. еле - еле пробиваются къ двумъ европейскимъ морямъ: Балтійскому и Черному и едва только приучаются къ мореплаванію ¹⁾). Азія примыкала къ намъ своимъ материкомъ, и чтобы колонизировать ее не нужно было

¹⁾ Бѣлое море, которымъ мы владѣли издавна, вело въ Ледовитый океанъ и было неудобно для плаванія. Каспійское море вело въ Азію. Къ Тихому океану мы подошли только наканунѣ XVIII в.

сооружать кораблей. Но и восточная окраина Европы—Поволжье, Покамье и Приуралье представляли большое поле для колонизаціи. Посмотримъ же какъ мы тамъ справлялись съ нашей вѣковой задачей.

За XVIII-й вѣкъ происходятъ слѣдующія измѣненія въ способахъ великорусской колонизаціи. Вслѣдствіе паденія монастырской жизни ослабляется колонизація монастырская, а благодаря усиленію правительственной власти приходитъ въ упадокъ и исконная славянорусская вольная колонизація; зато особенно развиваются три способа колонизаціи: 1) правительственно-военная, 2) промышленно-торговая и 3) землевладѣльческая-подневольная. Въ колонизаціи правительственной, въ большей мѣрѣ чѣмъ въ предшествующія столѣтія, на ряду съ Велико-руссами появляются въ Поволжьи, Приуральи и Сибири Малоруссы и иноземцы — плѣнные Шведы и Поляки; при Екатеринѣ II на низовьяхъ Волги возникаютъ поселенія колонистовъ изъ Германіи.

Инициаторами правительственно-военной и промышленно-торговой колонизаціи въ Поволжьи и въ Приуральи являются неустанный царь-работникъ Петръ Великій и государственные люди его школы, его „птенцы“, по мѣткому выраженію Пушкина и профессора Соловьева. Порицатели Петра Великаго напрасно упрекаютъ его въ раболѣпномъ преклоненіи передъ Западомъ и въ забвеніи русскихъ національныхъ интересовъ. Петръ Великій—„не презиралъ земли родной и зналъ ея предназначенье“: это доказывается въ настоящее время съ каждымъ новымъ обнаруженіемъ источниковъ изъ исторіи его жизни и времени. Вводя въ Россію реформы, заимствованныя имъ съ Запада, и ведя продолжительную борьбу

съ Карломъ XII, онъ не забывалъ нашихъ интересовъ на Востока и, основывая свой „парадизъ“ (такъ онъ называлъ С.-Петербургъ), на Балтійскомъ побережьи, зорко слѣдилъ за тѣмъ что дѣлается въ Поволжьи, въ Приуральи и въ Сибири. Окончивъ войну со Швеціей, онъ самъ спѣшилъ проѣхать „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, чтобы все доглядѣть своимъ дальновиднымъ и опытнымъ взоромъ. Результатомъ этой поѣздки было, главнымъ образомъ, движеніе Русскихъ на югъ, на Кавказъ, но это направленіе колонизаціи русской не входитъ въ кругъ нашей теперешней бесѣды. На пути къ Кавказу по Волгѣ Петръ Великій далъ предначертанія для упроченія русскихъ поселеній въ Поволжьи, Покамьи и въ Приуральи.

Еще раньше его поѣздки въ Поволжьи возникаютъ новые города, остроги, острожки, а Уральскія горы покрываются, по инициативѣ Петра Великаго, цѣлою сѣтью правительственныхъ и частныхъ горныхъ заводовъ, на развитіе которыхъ онъ обращалъ особое вниманіе. Устроителемъ ихъ является извѣстный горный инженеръ, администраторъ и историкъ XVIII в. — Татищевъ, основатель Екатеринбурга. Горные заводы послѣ Петра Великаго распространяются все больше и больше по сю и по ту сторону Уральскаго хребта; на сѣверѣ въ теперешней губерніи Пермской, на югѣ въ земляхъ Башкирскихъ и на всемъ протяженіи южныхъ сибирскихъ горныхъ хребтовъ. Горные заводы привлекаютъ къ себѣ массу колонистовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, и охочихъ людей, которые приписывались къ заводамъ, и крѣпостныхъ крестьянъ. Починъ правительственно-военной колонизаціи Башкирскихъ земель, теперешнихъ губерній Уфимской, Оренбургской и восточной части Самарской, всецѣло

принадлежитъ XVIII в., и въ исторіи этой колонизаціи арго блистають имена „птенцовъ“ Петра Великаго: Кириллова, первоначальнаго основателя Оренбурга, упомянутаго выше Татищева и Неплюева. При послѣднемъ возникаютъ дальнѣйшія сторожевыя линіи крѣпостей для защиты отъ набѣговъ новыхъ степняковъ изъ Средней Азіи — Киргизовъ, являющихся черезъ тѣ самыя Великія Каспійскія ворота, посредствомъ которыхъ проникали въ восточную Европу дикія азіатскія орды еще въ до-историческія времена, а затѣмъ въ теченіи тысячи слишкомъ лѣтъ послѣ начала христіанской эры; сторожевыя линіи Неплюева спускаются до южныхъ отроговъ Уральскихъ горъ и верхняго теченія рѣки Яика (Урала).

Заселеніе Русскими Приуралья и Сибири въ XVIII в. особенно производится путемъ правительственной подневольной колонизаціи. Разумѣю ссылку туда преступниковъ на каторгу, т. е. на принудительную работу въ казенныхъ горныхъ и другихъ заводахъ и золотыхъ приискахъ, и на такъ называемое поселеніе. Такой способъ заселенія Сибири практикуется и до нашихъ дней, а со второй половины XVIII в. и вплоть до уничтоженія крѣпостнаго права, въ теченіи ста лѣтъ, помѣщики ссылали на поселеніе въ Сибирь своихъ крѣпостныхъ людей.

Я не буду бесѣдовать съ вами, мм. гг., о колонизаціи Поволжья, Приуралья и Сибири въ XIX в., потому что даже матеріаль для этого не собранъ и самый процессъ этой колонизаціи совершается на нашихъ глазахъ. Приобрѣтеніе Уссу-

рійскаго края и Сахалина въ прошлое царствованіе и заселеніе Русскими этихъ обширныхъ земель крайняго Востока. всѣмъ хорошо памятни и извѣстны. Я скажу лишь нѣсколько словъ о движеніи нашемъ въ Среднюю Азію, обширную страну, лежащую на востокъ отъ морей Каспійскаго и Аральскаго, въ бассейнахъ рѣкъ Сыръ и Аму-Дарыи.

Страна эта въ древности была освѣщена эллинской цивилизаціей, распространителемъ которой былъ Александръ Македонскій: въ своемъ походѣ въ область рѣкъ Яксарта и Оксуса онъ построилъ нѣсколько городовъ, явившихся носителями греческаго знанія и искусства. Передвиженіе азіатскихъ племенъ не только съ корнемъ истребило эту цивилизацію, но превратило цвѣтуція нѣкогда области въ песчанныя пустыни. Страна эта стала большой дорогой, которой проходили по очереди разныя тюркскія и монгольскія племена изъ глубины Азіи въ Европу. Особенно губительно на Средней Азіи отозвалось завоеваніе ея Чингисъ-Ханомъ, предводителемъ монгольской орды, которая надолго покорила своей власти и наши русскія земли. Джагатайское государство его потомковъ, а затѣмъ жестокая власть Тамерлана, докончили запустѣніе Средней Азіи. Ея степи стали достояніемъ кочевниковъ, и осѣдлое населеніе разныхъ тюркскихъ племенъ сосредоточивалось лишь въ нѣсколькихъ оазисахъ.

До Русскихъ достигали слухи объ обилии въ Аму и Сыръ-Дарыи золотоноснаго песка и о возможности посредствомъ этихъ рѣкъ достигчь Индіи, той сказочной страны, богатства которой привлекали къ себѣ западныхъ Европейцевъ. Одинъ изъ отважныхъ московскихъ купцовъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича стремился завести торговлю этимъ путемъ, но мысль о возможности непосредствен-

ныхъ торговыхъ сношеній съ Индіей, при помощи Сыръ и Аму-Дарьй, особенно заняла Петра Великаго, и онъ снарядилъ для изслѣдованія этого двѣ экспедиціи. Хотя обѣ онѣ не удались, но въ видѣ форпостовъ для нашего наступленія на Среднюю Азію были основаны ими укрѣпленія, и на восточномъ берегу Каспійскаго моря, и со стороны Сибири, по Иртышу. При неудачѣ вышеупомянутыхъ экспедицій, Петръ Великій остановился на мысли о торговыхъ сношеніяхъ съ Индіей черезъ Персію: онъ хотѣлъ подорвать индѣйскую торговлю Англичанъ, Французовъ и Голландцевъ, направивъ ее въ западную Европу транзитомъ черезъ Россію. Но кромѣ отдаленныхъ торговыхъ цѣлей, Петра Великаго побуждали обращать вниманіе на Среднюю Азію и ближайшія политическія соображенія: въ самомъ началѣ XVIII в. нѣкоторые ханы хивинскіе и бухарскіе желали принять подданство Россіи.

Послѣ Петра Великаго надолго прерываются наши отношенія къ Средней Азіи. Они ограничиваются отрицательными мѣрами: огражденіемъ сторожевыми линіями южныхъ предѣловъ западной Сибири отъ набѣговъ Киргизовъ, кочевавшихъ въ сѣверной части Средней Азіи. Эти укрѣпленныя линіи продолжаютъ воздвигаться все южнѣе и южнѣе до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, когда нѣкоторыя киргизскія орды подчинились русской власти. Съ того времени начинается п р а в и т е л ь с т в е н н о - в о е н н а я к о л о н и з а ц і я среди киргизскихъ степей, и въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX вѣка колонизація эта подвигается къ тремъ средне-азиатскимъ ханствамъ: Кованскому, Бухарскому и Хивинскому. Болѣе дѣятельное движеніе въ ханства Средней Азіи возникаетъ съ прошлаго царствованія. Экспедиція 1864 г. ознаменовалась взятіемъ во-

ханскихъ вѣрѣностей—Туркестана и Чимвента, а въ слѣдующемъ году, во главѣ цѣлаго ряда вѣрѣностей, и Ташкента. Въ 1867 г. Русскіе покоряютъ земли на югъ отъ Ташкента и вѣрзываются въ Бухарскія владѣнія. Въ томъ же году учреждается Туркестанское генераль-губернаторство, которое является базисомъ новыхъ завоеваній по Аму и Сыръ-Дарьѣ. Въ 1868 г. заняты Самаркандъ, и русскія владѣнія достигаютъ до хребта Тянь-Шянь; Коканское и Бухарское ханства отрѣзаны другъ отъ друга нашими владѣніями, а въ 1876 г. покоряется и Коканское ханство. Ахаль-Тевинская экспедиція 1881 г. и добровольное подчиненіе русской власти Мерва въ 1884 г. заврѣпили за Русскими ихъ владѣнія въ Средней Азіи и открыли въ будущемъ возможность еще дальнѣйшихъ приобрѣтеній. Въ настоящее время мы подходимъ къ отрогамъ Гималая.

Европейскіе Аріицы, въ лицѣ Русскаго народа и, главнымъ образомъ, въ лицѣ его великорусской отрасли, находятся вблизи къ тому юго-западному плоскогорью Азіи, откуда въ до-историческія времена, нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, пра-народы Европы двинулись по направленію къ ней. Аріицы въ нашемъ лицѣ являются представителями культурнаго народа среди дивныхъ племенъ Сибири и номадовъ Средней Азіи, заглушившихъ тамъ высокую античную цивилизацію.

Гдѣ закончится наше историческое шествіе? Перешагнемъ ли мы Тянь - Шянь и отроги Гималая, или остановимся передъ этими горными твердынями, за которыми раскрываются двѣ древнѣйшія и съ точностью неизвѣстныя еще Европейцамъ, противоположныя другъ другу цивилизаціи—Тибето-Китайская и Индѣйская?

Здѣсь, мм. гг., я долженъ остановиться. Передъ нами открывается не только уже современность — недописанныя страницы исторіи, этой „священной книги народовъ“, по картинному выраженію Карамзина, но возникаетъ и вопросъ относительно будущаго, области недоступной человѣческому разуму, лишенному дара предвидѣнія...

Я смущаюсь мыслию, что утомиль ваше вниманіе перечисленіемъ всѣмъ извѣстныхъ историческихъ фактовъ и теперь, заканчивая мою бесѣду, я позволю себѣ высказать нѣсколько мыслей, по моему мнѣнію, прямо вытекающихъ изъ наблюденія поступательнаго движенія на Востокъ Великорусскаго племени.

Это племя, создавшись посредствомъ колонизаціи Славянъ среди финскихъ народовъ, распространило славяно-русскій элементъ на весь сѣверо-востокъ и востокъ Европы и въ обширныхъ территорияхъ азіатскаго материка—Сибири и Средней Азіи; оно сзумѣло отстоять свою независимость и самобытность какъ во время долгой подчиненности монгольской ордѣ Чингисъ-Хана и его преемниковъ, такъ и въ своей борьбѣ съ представителями Запада, Нѣмцами и Поляками. Первымъ подвигомъ Великоруссы спасли западную Европу отъ наплыва новыхъ варваровъ въ то самое время, когда романо-германскія племена только что созидали себѣ основы гражданственности, вторымъ — остановили распространеніе на европейскомъ востокѣ римскаго католицизма и дальнѣйшей германизаціи Славянъ.

Указанные факты уже даютъ Великорусскому племени достаточное право занять почетное мѣсто среди европейскихъ Аріицевъ въ ихъ вѣковой борьбѣ съ народами Востока.

Но ими не исчерпывается историческая заслуга Великоруссовъ въ данномъ вопросѣ.

Культура наша бѣдна сравнительно съ богатыми цивилизаціями древняго міра—греческой и римской и съ цивилизаціей современныхъ намъ западно-европейскихъ народовъ; мы не можемъ обогащать Востокъ тѣми памятниками знанія и искусства, какіе оставляли въ немъ Александръ Македонскій и римскіе легіоны; мы не въ состояніи развить въ Азіи той высокой цивилизаціи, какую создало англо-саксонское племя въ за-атлантическомъ материкѣ, на берегахъ Миссури и Миссиссипи; тѣмъ не менѣе мы все таки распространяемъ основы гражданственности среди инородцевъ Поволжья и Сибири и среди Туркменъ, Кованцевъ и Сартовъ Средней Азіи. Наша культура выше ихъ. Мы распространяемъ среди нихъ Православіе, ассимилирующее ихъ съ народностью русскою, мы приучаемъ ихъ къ осѣдлости, постепенно прививая къ нимъ культуру земледѣльческую, обращая пустыни Сибири и пески Средней Азіи въ обработанныя и засѣянные поля и плантаціи. Но пока не разовьемъ мы въ себѣ самихъ болѣе высокой культуры, нравственной и умственной — до тѣхъ поръ мы не будемъ въ состояніи въ должной мѣрѣ цивилизовать Востока.

А потому позаботимся серьезно, чтобы у насъ самихъ болѣе расширялась образованность во всѣхъ классахъ общества и чтобы христіанское, религіозно-нравственное пониманіе глубже проникало въ сознаніе темныхъ народныхъ массъ Великорусскаго племени. Будемъ стремиться къ тому, чтобы знаніе какъ научное, такъ и прикладное, укоренялось на Руси прочнѣе на благо родной страны и на пользу всѣхъ слоевъ Русскаго народа. Съ этой цѣлію употребимъ всѣ силы для

усвоенія и распространенія серьезной западно-европейской науки. Представителями ея являются въ Россіи университеты и въ числѣ ихъ нашъ Казанскій, составляющій старѣйшій разсадникъ высшаго знанія на восточной европейской окраинѣ Русскаго государства. Западная Европа, развивши просвѣщеніе завѣщанное ей античнымъ міромъ—Греціей и Римомъ и самостоятельно выработавши цѣлую систему знаній, еще надолго, если не навсегда, послужитъ намъ Русскимъ образцомъ и руководительницей въ области знанія.

Только при этихъ условіяхъ мы будемъ въ состояніи духовно восторжествовать надъ Востокомъ и поборить его своимъ умственному и нравственному вліянію.

~~№ 25840~~

8-40

∞(Ц Ъ Н А 40 К О П. С Е Р.)∞